

тора Гартмана въ Петроградѣ, мы шли съ нимъ послѣ музыки по Фуриштатской улицѣ; у какого-то переулка онъ остановился, поблѣднѣлъ, прислонился къ стѣнѣ какого-то дома и не могъ отдышаться. Тогда я не придавъ большаго значенія этому явленію, и только спросилъ его, часто-ли бываетъ съ нимъ такая штука („часто“), надурилъ ему какую-то чепуху, отвлекъ мозги его, на время, отъ того, что они сознавали, и пошли мы дальше, сперва стопою бродучею, а потомъ и настоящимъ манеромъ. Порядкомъ повозившись самъ съ удущемъ и бѣшеніемъ сердца (нелѣпнымъ *palpitatio cordis*), я мнилъ, что это участь нервныхъ натуръ по преимуществу, но горько ошибся, какъ оказывается. И въ лучшую пору, когда брызгало талантомъ Гартмана до того, что не подступись. Помню (еще бы забыть!) послѣднюю бесѣду съ нимъ: онъ утѣшалъ меня проэктомъ русскаго стиля къ постройкѣ приспособленнаго, правда, къ требованіямъ времени, но русскаго стиля, какъ онъ любилъ выражаться, „воспитаннаго“. Онъ уже переводилъ свой проектъ въ жизнь, его мозги копошились надъ постройкою дома въ русскомъ стилѣ для Мамонтова въ Москвѣ. Достроили-ли Гартманъ—не знаю; эта бездарная дура—смерть—косить, не разсуждая, есть-ли надобность въ ея проклятомъ визитѣ. Не чаялъ я, что мнѣ придется посылать краткую литію въ „Петербургскія вѣдомости“. Добро-бы еще таланты, какъ грибы росли, а то вѣдь и изъ присяжныхъ—то талантовъ большинство какіе-то зеленые ослы, многодумные дураки, только распложающіе многотомныхъ, и многообразныхъ, и многообразнообразныхъ мертвецовъ: какъ говорятъ, ни кожи, ни рыла, а смысла и подавно.—Какъ возьмешь въ мозги впечатлѣнія (драгоценныя) домовъ а la М., часовни у Лѣтняго, „бывшую челомъ“ лѣстницу на вѣнской выставкѣ и „бывшую челомъ“ предъ всѣмъ міромъ, чего добраго (всероссійская холопка и тутъ не выдержала), да сопоставить архитектурный скелетъ народнаго театра въ Москвѣ (уже не говоря объ изяществѣ и самобытности), а просто скелетъ, такъ жутко становится, чего бы не подѣлалъ Гартманъ, Гартманъ, незамѣтно и неслышно спасшій тысячи народа наме-

комъ *начальству* на предстоявшее паденіе плафона въ Марининскомъ сараѣ. Начальство притворилось, что не вѣрить, но „духу не хватило“ и подкрѣпило плафонъ. А Гартманъ, вѣдь, только взглянулъ,—случайность, конечно. Это не касается творческой силы художника, но въ то же время составляетъ ся основу; красивые звуки всегда красивы, и малорусса за партією галушекъ плѣняютъ до того, что жреть галушки. обливается масломъ и слезами, и поглощаетъ и галушки, и красивые звуки. Псуущественнѣе надо что нибудь. Художество должно воплощать не одну красоту; зданіе тогда хорошо, когда, помимо красиваго фасада, прочно и осмысленно, когда чувствуется плѣть постройки и видна голова художника. Это было въ погибшемъ Гартманѣ. Вѣдное, сѣрое русское искусство!... Впрочемъ, зачѣмъ же я? вотъ нелегкая метвула. Ну, баста! Въ томъ письмѣ, что лежитъ въ Вѣнѣ, уподобляясь спящему Марко Королевичу (думаю, что въ свою очередь Марко Королевичъ обреченъ на вѣкъ уподобиться моему вѣнскому письму), такъ въ томъ письмѣ я изъяснялъ вамъ, милѣйшая моя барыня, какое вы мнѣ хорошее посланье изволили устроить и какъ вы, умница барыня, потревожились, голубушка вы такая, за Мусорянина. Бываютъ дни, что кошки за сердце скребутъ, но проходить эти дни, какъ все проходить. Знайте-же: работа кинитъ, и Мусорянинъ валитъ тотъ же Мусорянинъ, только строже сталъ къ себѣ, когда затѣялъ народную драму: разборчивѣе сталъ по части своихъ мозговъ, а 6000 листовъ дѣла лежать, и ждетъ лѣсничій отпускной граматки,—что дѣла-то! За то въ Россіи живемъ вотъ какъ! Еще было писано о томъ, какъ Листъ влюбился въ „Дѣтскую“ и ея автора, и намѣренъ посвятить автору пьеску. Еще было писано, что брошенная Андреемъ Хованскимъ раскольница, честно и страстно его любящая, на любовномъ мотивѣ *отпавистъ* Андрея Хованскаго, приготавливая его къ самосожженію, и еще другое разное было писано. Ну, при свиданіи услышите и опредѣлите.

Дмитрію Васильевичу, конечно милѣйшему, простираю посылыныя объятія и во всю мочь благодарствую за